

Будущие вызовы для стран СНГ

(доклад подготовлен для представления на Международной конференции «Социально-экономическая трансформация в странах СНГ: достижения и проблемы», организованной ИЭПП, АМР США и АНХ)

1. Введение

Пятнадцать лет тому назад начался последний этап распада политической и экономической системы реального социализма. Политическая трансформация в Польше и Венгрии, потом крушение берлинской стены, «бархатная» революция в Чехословакии, создание коалиционного правительства в Болгарии и декабрьская революция против режима Чаушеску в Румынии — все это открыло путь демократическим и рыночным реформам в странах бывшего советского блока. Распад коммунистической системы в СССР и самого СССР состоялся на два года позже¹, после провала путча ГКЧП в августе 1991 года, хотя радикальные перемены созрели раньше, в течение всего периода горбачевской «перестройки»².

Во второй половине 1991 года, в результате распада СССР, пятнадцать союзных республик получило международно признанную независимость. Страны Балтии немедленно вступили на путь демократических и рыночных реформ и, вслед за странами Центральной Европы, европейской интеграции. Другие постсоветские государства сформировали в декабре 1991 года Содружество Независимых Государств (СНГ)³. Хотя СНГ не оправдало ожиданий его учредителей как добровольная интеграционная структура (скорее всего, оно оказалось неплохим управляющим процессом развода бывших субъектов советской империи), оно продолжает существовать в общественном сознании⁴ как отличительная черта постсоветского пространства. Региона, который объединяет страны с похожими социально-экономическими и политическими характеристиками, которым приходится преодолевать на пути своего развития одно и то же советское структурное, институциональное и культурное наследие. Насколько общая корзина под названием «страны СНГ» фактически обоснована — это интересный вопрос, на который хотя бы частично я постараюсь ответить в главе 6. Однако главная цель статьи другая: показать стратегические проблемы и вызовы, с которыми страны СНГ столкнутся в течение ближайших лет.

¹ Также в 1990-1991 пал коммунистический режим в Албании и части бывшей Югославии, а также распалась югославская федерация. Однако анализ событий в балканском регионе выходит за тематические рамки данной статьи.

² Есть богатая литература, как экономическая, так и политологическая, подробно анализирующая реформы периода перестройки и их противоречия, которые привели к политическому и экономическому кризису 1990-1991 годов и, в результате, к распаду СССР. Смотри, например, Гайдар (1996), Мау (1995), Ясин (2002), Грачев (2001), Dabrowski et al. (2004).

³ Сначала в состав СНГ вошло 11 бывших советских республик. Грузия присоединилась позже — в декабре 1993 года.

⁴ Это касается как самых стран-членов СНГ, так и международного сообщества.

Баланс последних пятнадцати лет в СНГ оказался непростым. С одной стороны, за относительно короткий исторический срок удалось построить основы государственности и рыночной экономики в странах, у многих из которых не было традиций политической независимости (по крайней мере, в последние два века) и современного капитализма. Период последних пяти лет принес сильный экономический рост, который пришел на смену глубокому и длительному «адаптационному» спаду ВВП. С другой стороны, по многим характеристикам это пока не очень зрелый капитализм, со многими структурными и институциональными перекосами, характерными для развивающихся стран. Нет также уверенности в устойчивости нынешнего экономического подъема, если не удастся преодолеть существующих барьеров развития. Еще хуже представляются итоги политических реформ. В большинстве стран СНГ мы имеем дело либо с возвратом к авторитарным режимам, либо с сильно «управляемой» демократией⁵.

Вступление 1 мая 2004 года восьми бывших коммунистических стран, в том числе трех стран Балтии, в Европейский Союз оказалось символическим событием не только для тех, кто приобрел статус «европейских» граждан. В сознании многих граждан государств СНГ это доказательство как успешных реформ в Центральной Европе и Прибалтике, так и их провала в их собственных странах. Непосредственное соседство с расширенным ЕС вызывает смешанные чувства. С одной стороны, это угроза углубления изолированности стран СНГ от процессов экономической и политической интеграции в Европе и мире, опасность создания новой «берлинской стены» на восточных границах Прибалтики, Польши, Словакии, Венгрии и Румынии. С другой стороны, появляется надежда, что непосредственное соседство ускорит экономические и политические реформы в СНГ, а расширенный Евросоюз предложит, наконец, более серьезные концепции сотрудничества и будущей интеграции.

Для того, чтобы правильно определить будущие вызовы, необходимо сначала подвести итоги процесса трансформации после падения коммунистического режима и распада СССР. Это задача главы 2 настоящего доклада. Следующие три главы будут посвящены трем ключевым вызовам, перед которыми стоят страны СНГ: улучшению предпринимательского и инвестиционного климата (глава 3), преодолению кризиса государства и дефицита демократии (глава 4) и интеграции в европейскую и мировую экономику (глава 5). В главе 6 мы вкратце обсудим, насколько оправданным и продуктивным является подход к странам СНГ как однородному блоку. Наконец, в главе 7 будут подведены итоги этой статьи.

Доклад не имеет строго научного характера и в связи с этим в нем отсутствуют как детальный статистический и эконометрический анализ, так и обширные ссылки на научную литературу. Это, скорее всего, своего рода популярный обзор наиболее важных, по мнению автора, проблем трансформации и развития, с которыми страны СНГ столкнулись за последние годы, и которые надо будет решать в ближайшем будущем.

2. Стакан наполовину полный или наполовину пустой?

Подвести итоги посткоммунистической трансформации — это вообще дело непростое. Несмотря на пятнадцать лет, которые прошли с начала этого процесса в

⁵ Термин «управляемая демократия» я использую вслед за Гайдаром (2004).

Центральной Европе, продолжают попытки фундаментально оспаривать курс на быстрые рыночные реформы и доказывать, что была якобы возможна какая-то другая, намного менее болезненная стратегия трансформации⁶. Еще труднее объективно оценить результаты реформ в странах СНГ, где переход к рынку и демократии оказался процессом более сложным, чем в странах Центральной Европы.

График 1: Динамика реального ВВП в период трансформации (1990 = 100)

Источник: World Bank (2002), с. 4.

В конце девяностых годов, после волны финансовых кризисов 1998-1999 годов, экономическая картина СНГ казалась очень мрачной. По сравнению с уровнем конца восьмидесятых годов кумулятивный спад ВВП превышал отметку 40% (график 1), намного опережая Центральную Европу. Даже с учетом многочисленных методологических трудностей в адекватном сравнении ВВП до и после начала трансформации и закладывая соответствующие коррективы⁷, масштабы «адаптационного» падения производства оказались беспрецедентным в мировой истории. В некоторых странах (Украина, Россия и Молдова) спад продолжался почти десять лет.

⁶ Типичным примером такого подхода могут служить две статьи Дж. Стиглица (Stiglitz, 1999a; 1999b). Оценки Стиглица оспаривали многие экономисты, в том числе Dabrowski, Gomulka and Rostowski (2001a; 2001b) и May (1999). Альтернативный Стиглицу подход можно также найти в многочисленных анализах международных финансовых организаций, оценивающих ход экономической трансформации (например, WDR, 1996; WEO, 2000; World Bank, 2002).

⁷ На самом деле, по многим причинам официальная статистика сильно преувеличила масштабы экономического спада за этот период. Во-первых, на смену социалистической «приписке» пришел массивный уход в теневую экономику. Во-вторых, в командной экономике административно регулируемые цены не отражали ограниченной доступности товаров и услуг (экономика дефицита и подавленная инфляция) и их плохого качества. В-третьих, значительная часть конечного продукта в советской экономике служила военным целям (намного больше, чем в любой рыночной экономике в мирное время). В-четвертых, переход от методологии чистого материального продукта к системе национальных счетов и связанной с ними категории ВВП или ВНП также способствовал многим ошибкам.

Глубина спада была вызвана как сложным советским структурным и институциональным наследием (намного больше перекосов, чем в странах, имеющих опыт «рыночного социализма», т.е. в бывшей Югославии, Венгрии и Польше), так и неэффективной стратегией трансформации. Что касается второго фактора, имеются в виду медленные темпы реформирования, непоследовательная либерализация, неспособность обеспечить бюджетное равновесие и избежать инфляционной денежной политики, а в некоторых странах также позднее начало приватизации.

Разделить влияние этих факторов (советское наследие и ход реформирования) представляется непростой задачей. Косвенным показателем могут служить здесь результаты государств Балтии, тяжелые стартовые условия которых были в принципе сравнимы с другими европейскими республиками бывшего СССР. В Эстонии (смотри **таблицу 1**) спад продолжался пять лет (три года после получения независимости и начала рыночных реформ) и кумулятивно составил 38%. Не рискуя сильно ошибиться, разницу между Эстонией и, например, Россией (48,5% падения в течение девяти лет), Украиной (61,5% в течение десяти лет) или Молдовой (67% в течение 10 лет) можно принять как косвенный показатель, отражающий макроэкономический результат разных стратегий трансформации при сравнимых стартовых условиях.

Таблица 1: Реальный ВВП в странах Балтии и СНГ; 1989 = 100

Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Эстония	93,5	80,8	69,3	63,2	62,0	64,6	67,1	73,7	77,1	76,6	82,1	86,2	91,1
Латвия	102,9	92,2	60,0	51,1	52,2	51,8	53,7	58,2	61,0	62,7	67,0	72,1	76,1
Литва	95,0	89,6	70,5	59,1	53,3	55,1	57,6	61,8	65,0	62,5	64,8	68,7	72,8
Беларусь	97,0	95,8	86,6	80,1	70,0	62,7	64,4	71,8	77,8	80,5	85,1	88,6	92,8
Молдова	97,6	80,5	57,1	56,4	38,8	38,3	36,0	36,6	34,2	33,0	33,7	35,8	38,4
Россия	100,0	94,5	76,9	66,9	57,9	55,5	53,6	54,1	51,5	54,2	58,7	61,6	64,3
Украина	96,0	85,8	77,5	66,5	51,3	45,0	40,5	39,3	38,5	38,5	40,7	44,4	46,5
Армения	92,6	81,8	47,6	43,4	45,7	48,9	51,8	53,5	57,4	59,3	62,9	68,9	77,8
Азербайджан	88,3	87,7	67,9	52,2	41,9	37,0	37,4	39,6	43,6	46,8	52,0	57,1	63,2
Грузия	87,6	69,6	38,4	28,6	25,4	26,0	28,7	31,8	32,7	33,7	34,4	35,9	37,9
Казахстан	99,6	88,6	83,9	76,1	66,5	61,1	61,4	62,4	61,3	62,9	69,1	78,2	85,6
Кыргызстан	103,0	97,8	79,3	66,6	53,2	50,3	53,9	59,2	60,5	62,7	65,9	69,4	69,1
Таджикистан	98,4	91,4	64,9	57,8	46,8	41,0	39,2	39,9	42,0	43,5	47,1	52,0	56,7
Туркменистан	102,0	97,2	92,1	82,8	68,5	63,6	59,3	52,6	55,3	64,1	75,4	84,4	88,7
Узбекистан	101,6	101,1	89,9	87,8	84,1	83,4	84,7	86,8	90,6	94,3	98,1	102,5	106,8

Комментарий: желтым цветом обозначены годы самого глубокого кумулятивного падения ВВП.

Источник: TransMONEE (2003).

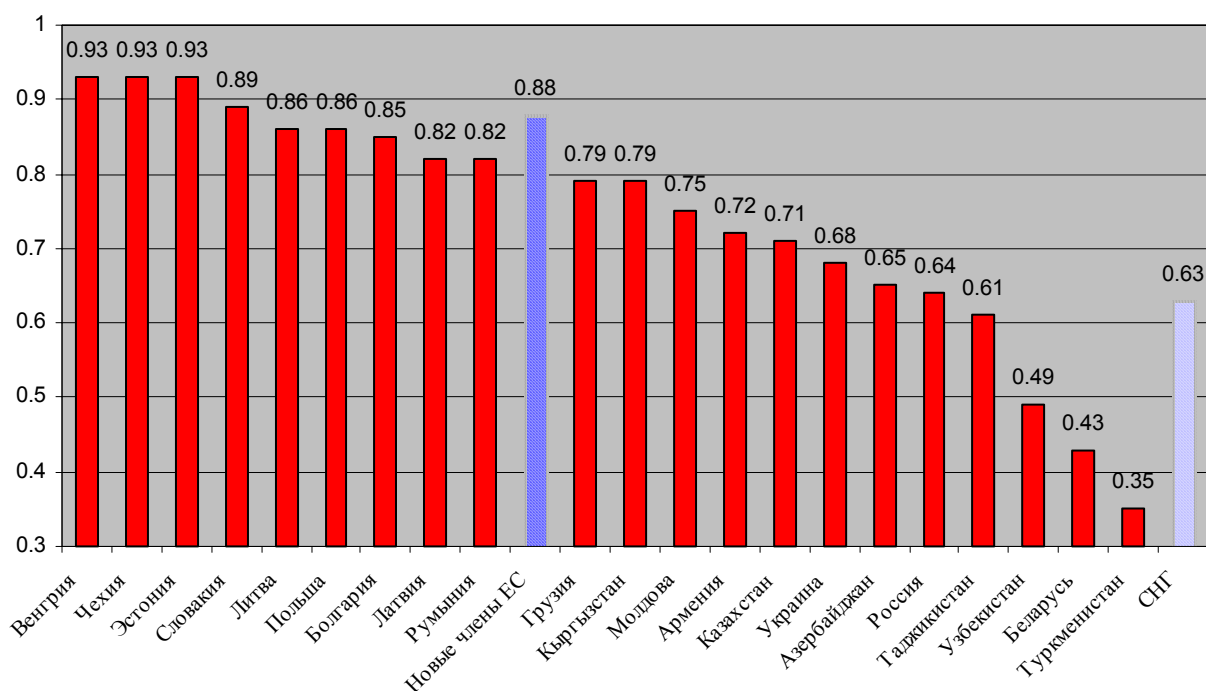
Есть также и в СНГ примеры стран, которые хотя и пережили очень глубокой «адаптационный» спад, частично под влиянием неэкономических факторов (вооруженные конфликты), смогли выйти на путь подъема ВВП намного быстрее России, Украины или Молдовы. Самым ярким примером является здесь Армения, страна, вовлеченная в военный конфликт в начале девяностых годов и пережившая спад ВВП на 56,6% в течение 4 лет (1989-1993). Однако уже с 1994 года начался экономический рост, продолжающийся до сегодняшнего дня (2004 год), темпами, сравнимыми с российскими или украинскими 2000-2003 годов.

Грузия, в свою очередь, пережила самый высокий зарегистрированный спад ВВП — на 74,6% в течение 5 лет, однако, начиная с 1995 года, грузинская экономика продолжает расти совсем неплохими темпами. Очередной пример — это Кыргызстан,

где после кумулятивного падения ВВП на 49,7% за период 1989-1995 гг., с 1996 года начался устойчивый экономический рост.

Все три приведенных примера (Армения, Грузия и Кыргызстан) объединяет схожая характеристика: быстрая (по сравнению с другими странами СНГ) либерализация экономики, как внутренняя так и внешняя, решительная денежная стабилизация после эпизодов высокой инфляции или гиперинфляции, а также ранний уход от колхозного строя в сельском хозяйстве (учитывая значительную долю этого сектора в экономике анализируемых стран) и относительный прогресс в области других структурных реформ. Свидетельствует об этом высокий рейтинг этих трех стран (плюс Молдовы) в сравнительной оценке структурных реформ, представленной на **Графике 2**. Это — дополнительное доказательство того, что более радикальные и последовательные реформы могли бы смягчить последствия неблагоприятного советского структурного и институционального наследия.

График 2. Индекс структурных реформ

Комментарий: Шкала от 0 до 1. Сводный индекс структурных реформ состоит на 73% из индекса, представляющего прогресс в области либерализации, и на 27% из индекса, представляющего прогресс в области приватизации.

Источник: Aslund and Warner (2003).

В отдельном комментарии нуждается статистика ВВП трех стран, явно отстающих в темпах реформирования (Туркменистан, Узбекистан и Беларусь), так как поверхностный анализ может легко ввести в заблуждение⁸. При оценке относительно

⁸ И фактически иногда вводит в заблуждение. Имеются в виду попытки официальной пропаганды этих стран, представляющие статистику ВВП как доказательство успеха их модели развития.

благополучных (на первый взгляд) показателей ВВП, по сравнению с другими странами СНГ, надо учесть следующие факторы⁹:

- сохранение определенных статистических и экономических явлений, свойственных системе командной экономики (приписка, «мобилизационные» методы управления предприятиями, отсутствие вполне равновесных цен и единого валютного курса, товарный дефицит, отсутствие полного выбора у покупателя, низкое качество многих товаров и услуг)¹⁰;
- отсутствие части издержек, связанных со структурной и институциональной адаптацией (из-за отсутствия самой адаптации); на практике это означает откладывание этих издержек на будущее;
- в случае Туркменистана и Узбекистана наличие хорошо продаваемых на международных рынках первичных ресурсов (природный газ, нефть, хлопок, золото и т.п.);
- статистическую фальсификацию.

Возвращаясь к оценке результатов трансформации в странах СНГ, надо отметить, что «черная» картина девяностых годов в области динамики ВВП (при всех методологических оговорках, сделанных раньше) сопровождалась другими не менее отрицательными показателями. Высокая инфляция продолжалась дольше, чем в Центральной Европе, странах Балтии и даже в балканских странах (Dabrowski, 2003), в чем частично виновным оказался почти двухлетний период денежной анархии на постсоветском пространстве, т.е. спонтанный распад рублевой зоны в 1992-1993 гг., когда единой валютой управляло пятнадцать, независимых друг от друга, центральных банков (см. Домбровски, 1995).

Серьезная бюджетная несбалансированность сохранилась до конца девяностых годов, приведя в результате к серии валютных кризисов 1998-1999 годов. В свою очередь, трудности со сбалансированием бюджета были результатом медленных темпов либерализации и структурных реформ, сохранения явного и скрытого субсидирования в промышленности, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве и других секторах, неспособности государства собирать налоги, низкой микроэкономической и платежной дисциплины (неплатежи, бартер, отсутствие эффективного механизма банкротства), нереформированных социальных обязательств. **График 2** представляет сводную картину слабости структурных и институциональных реформ в СНГ по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы и Балтии.

Финансовый кризис в России в августе 1998 г. и последовавшая за ним волна кризисов в других странах СНГ (см. Домбровски, 1999) нанесла удар по начинающемуся восстановительному тренду роста. Кроме того, они сильно пошатнули и так не самую лучшую репутацию стран СНГ на международных финансовых рынках и в международном сообществе. Однако приблизительно спустя год после кризисных событий макроэкономическая картина начала резко меняться (**Таблица 2**).

⁹ Более на тему макроэкономических показателей Беларуси и Узбекистана – см. Калечиц (2002), Антропова (2002), Zettelmeyer (1998).

¹⁰ В случае Беларуси первого президентского срока А.Г. Лукашенко наблюдался даже возврат к административно-командным методам управления экономикой, после периода умеренной либерализации 1992-1995 годов.

Таблица 2. Темпы роста реального ВВП в странах СНГ (% к предыдущему году), 1995-2003

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Азербайджан	-11,8	1,3	5,8	10,0	7,4	11,1	9,9	10,6	11,2
Армения	6,9	5,9	3,3	7,3	3,3	6,0	9,6	12,9	12,0
Беларусь	-10,4	2,8	11,4	8,4	3,4	5,8	4,7	5,0	6,8
Грузия	2,6	10,5	10,6	2,9	3,0	1,9	4,5	5,5	8,6
Казахстан	-8,3	0,5	1,6	-1,9	2,7	9,8	13,5	9,5	9,5
Кыргызстан	-5,8	7,1	9,9	2,1	3,7	5,4	5,3	-0,5	5,2
Молдова	-1,4	-5,9	1,7	-6,5	-3,4	2,1	6,1	7,8	6,3
Россия	-4,2	-1,0	1,8	-4,9	5,4	9,0	5,0	4,7	7,3
Таджикистан	-12,5	-4,4	1,7	5,3	3,7	8,3	10,2	9,1	10,2
Туркменистан	-7,2	-6,7	-11,3	7,0	16,5	18,0	20,5		
Украина	-12,2	-10,0	-3,0	-1,9	-0,2	5,9	9,2	5,2	9,3
Узбекистан	-0,9	1,6	2,5	2,1	3,4	3,3	3,8	3,2	0,3

Источник: МВФ (WEO, 2003, с. 181, табл. 7; WEO, 2004, табл. 1.9).

Практически все страны СНГ вышли на путь роста ВВП, при этом его темпами начали опережать страны Центральной Европы, начинающие в это время ощущать последствия слишком высоких государственных расходов и издержки, связанные с европейской интеграцией и новой волной микроэкономической реструктуризации (см. таблицу 3).

Таблица 3: Переходные экономики: годовые темпы роста в %

Группа стран	2000	2001	2002	2003
страны Балтии	5.5	6.6	6.4	7.4
Центральная Европа	3.9	2.2	2.2	3.4
Юго-восточная Европа	2.9	5.1	4.6	4.5
СНГ	8.4	6.4	5.1	7.6

Источник: WEO (2003), таблицы 1.8 и 1.9; WEO (2004), таблицы 1.8 и 1.9.

Таблица 4: Сальдо консолидированного бюджета в странах СНГ, % ВВП

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Беларусь	-2,7	-1,8	-1,2	-0,5	-1,8	0,3	-0,4	-0,4
Молдова	-13,1	-15,2	-14,1	-5,7	-6,1	-2,6	-0,5	-1,3
Россия	-6,1	-8,9	-8,0	-8,0	-3,3	3,0	2,9	1,4
Украина	-6,1	-3,2	-5,4	-2,8	-2,4	-1,3	-1,6	0,8
Армения	-9,0	-8,5	-5,8	-4,9	-7,4	-6,3	-3,8	-3,5
Азербайджан	-4,9	-2,8	-1,6	-3,9	-4,7	-0,6	1,4	1,5
Грузия	-5,3	-7,3	-6,7	-5,4	-6,7	-4,1	-2,0	-1,9
Казахстан	-3,4	-5,3	-7,0	-8,0	-5,2	-1,0	-1,1	-0,5
Кыргызстан	-17,3	-9,5	-9,1	-9,4	-11,8	-9,6	-6,0	-5,8
Таджикистан	-3,3	-5,8	-3,3	-3,8	-3,1	-0,6	-0,1	-0,2
Туркменистан	-2,6	0,3	0,0	-2,6	0,0	0,4	0,8	-2,7
Узбекистан	-4,1	-7,3	-2,4	-3,0	-2,7	-1,2	-0,5	-0,8

Источник: TransMONEE Database (2003).

Кроме того, произошло резкое улучшение как фискального баланса (см. таблицу 4), так и текущего счета платежного баланса. Удалось также ограничить инфляционные последствия резкой девальвации курса валют СНГ, хотя в большинстве

случаев инфляция продолжает превышать уровень, характерный для макроэкономически стабильных стран (таблица 5).

Таблица 5: Среднегодовая инфляция в СНГ

Страна	2002	2003
Армения	1.1	4.8
Азербейджан	2.8	2.2
Беларусь	42.6	28.4
Грузия	5.6	4.8
Казахстан	5.9	6.4
Кыргызстан	2.1	2.7
Молдова	5.3	11.7
Россия	15.8	13.7
Таджикистан	12.2	16.4
Украина	0.8	5.2
Узбекистан	44.3	14.8

Источник: WEO (2004), табл. 1.9.

Небольшой промежуток времени между кризисными событиями 1998-1999 годов и выходом на путь экономического роста таких стран, как Россия и Украина, может внушать гипотезу о их взаимосвязи.

Оздоровительный характер финансовых кризисов проявился как в непосредственном механизме макроэкономической коррекции, так и через более косвенное влияние на баланс политических сил и интересов. К первой группе факторов можно зачислить девальвацию национальных валют, которая создала толчок развитию отечественного, импортозамещающего производства (см. Домбровски, 2003, Kuzmyn, 2003). Это реальное обесценение долговых обязательств, деноминированных в национальной валюте, а также зарплаты и других доходов населения, многих статей бюджетных расходов, а в результате временное снижение потребления и инвестиций, позволяющее улучшить бюджетную ситуацию и сальдо текущего счета платежного баланса (см. Домбровски, 1999; Ярочински, 2000).

Если посмотреть на политэкономия процесса реформ, кризис нанес удар по экономическим и политическим позициям «олигархов», которые сопротивлялись многим структурным и институциональным реформам во второй половине девяностых годов, особенно в России и на Украине. Он также повысил готовность политической элиты порвать с некоторыми явными признаками популизма и провести часть необходимых реформ. Неслучайно на 2000-2001 годы пришелся пик реализации так называемой программы Грефа в России и программа реформ правительства Ющенко на Украине, а также оживление процесса экономических реформ в Казахстане, Кыргызстане, Армении, Молдове и некоторых других странах.

Конечно, есть и другие, возможно, более значимые факторы, которые определили резкое изменение траектории роста ВВП в самом конце девяностых годов. Во-первых, несмотря на медленный, в среднем, и не всегда последовательный ход экономических реформ, все-таки они состоялись в большинстве стран СНГ и в их результате экономическая система стала в основном рыночной. При всех недостатках либерализации и приватизации, они, наконец, начали приносить свои плоды. Во-вторых, глубокой «адаптационный» спад ВВП высвободил много производственных ресурсов, создавая пространство для восстановительного роста в новой рыночной

среде. В-третьих, нельзя забывать и о чисто конъюнктурных факторах. Высокие цены на нефть, газ, металлы, другие первичные ресурсы и товары низкой степени переработки помогают поддержать экономический рост России, Казахстана, Азербайджана, Украины, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана.

Причины и природа резкого поворота в тренде ВВП в конце прошлого века вызывают бурные дебаты среди экономистов и политиков. То же самое касается и дальнейших перспектив роста и факторов, от которых эти перспективы будут зависеть. Чтобы ответить на вопрос, насколько устойчивым является нынешний рост в СНГ, надо глубже проанализировать микроэкономическую, институциональную и структурную характеристику экономических систем, созданных в процессе трансформации. А здесь ситуация кажется менее оптимистической, чем в области макроэкономических показателей.

3. Плохой предпринимательский климат

Плохой предпринимательский климат в странах СНГ определяется множеством разнообразных факторов. Далее мы рассмотрим лишь некоторые из них, имеющие, как нам кажется, принципиальное значение.

1/ Барьеры входа на рынок, которые тормозят развитие конкуренции и ограничивают возможность создания новых предприятий или изменение профиля уже существующих. А как показывает международный опыт, малые и средние частные предприятия являются главным источником инноваций и конкуренции во многих секторах экономики, а также важным социальным инструментом абсорбции свободной рабочей силы. Анализируя конкретные барьеры, речь идет, в первую очередь, о регистрационном и лицензионном режимах, хотя серьезные препятствия могут возникать и от чрезмерного регулирования в различных других областях, например, в сфере государственных стандартов, строительных, экологических, пожарных, санитарных и многих других нормативов.

2/ Налоговая система и налоговое администрирование. Несмотря на серьезные сдвиги в реформировании налоговой системы, особенно прямых налогов¹¹, задача все еще далека от завершения. Система региональных и местных налогов и сборов, а также взносов в многочисленные внебюджетные фонды не всегда согласована с основными налогами, в результате чего получается каскадность косвенного налогообложения. Система сбора и возврата НДС, особенно в отношении экспортных операций, пока также не отвечает западным стандартам.

Однако самой сложной проблемой является налоговая администрация. С одной стороны, она неэффективна в выполнении своих чисто фискальных функций: об этом свидетельствуют размеры теневой экономики и уклонения от уплаты налогов. С другой стороны, произвольное отношение к налогоплательщику, у которого нет достаточных средств для своей правовой и фактической защиты, считается одним из главных признаков плохого предпринимательского климата.

Практика последних лет предоставляет много примеров использования лазеек и запутанности в налоговой системе для преследования бизнеса налоговыми органами.

¹¹ Введение низкой и плоской шкалы подоходного налога с физических лиц в России, Казахстане или Украине может служить хорошим примером для более развитых стран, особенно Западной Европы.

Таким образом реализуются или чисто политические цели (как в громком деле компании «ЮКОС» в России), или интересы одних групп бизнеса против других. В крайнем случае мы имеем дело с фактическим захватом частной собственности государством или ее переделом в пользу групп бизнеса, приближенных к власти.

Подобного типа практики — это не новое изобретение в мировой истории. Они характерны для многих развивающихся стран. Также в эпоху феодализма было нормой, когда суверен изымал у своих подданных максимальную дань. Однако они не совместимы с современным капитализмом и необходимостью жесткой международной конкуренции за привлечение капиталов и инвестиций.

3/ Таможенная система и таможенное администрирование. Их характеризуют те же слабости, что и налоговую систему и налоговое администрирование.

4/ Правовая система. Несмотря на достигнутый прогресс и огромные усилия в области реформирования правовой системы во многих странах СНГ, особенно в области гражданского и корпоративного права, банковского законодательства, финансовых рынков и т. п., она продолжает не соответствовать принципам открытой рыночной экономики и свободного демократического общества. Ее прозрачность оценивается гражданами и предпринимателями как недостаточная. Многие законы и подзаконные акты, особенно в сферах, косвенно связанных с деловой активностью (например, административная система и уголовный кодекс) до сих пор сохраняют реликты советской системы. Кроме того, правовые нормы подвергаются частым изменениям под диктовку интересов отдельных лобби и бизнес-групп или политической игры как в законодательных, так и исполнительных органах.

5/ Плохое исполнение законов. Неполное соответствие материального законодательства требованиям рыночной экономики и демократическим стандартам и его нестабильность усугубляется низким качеством госслужбы и судебной системы. В странах демократического капитализма именно государственная администрация и суды обязаны защищать права граждан и экономических субъектов¹². В странах СНГ низкооплачиваемый и испытывающий сильный дефицит профессионализма (особенно в области понимания рыночных норм поведения и механизмов) госаппарат и судебная система не в состоянии выполнять эту роль. Хуже всего, что их используют в своих интересах отдельные олигархические группы или популистские политики для борьбы против бизнеса (опять пример компании «ЮКОС», хотя это далеко не единственный случай).

Крупные предприниматели и международные корпорации могут пробовать избежать сомнительных услуг местного правосудия путем предусмотрения в заключаемых договорах компетенции иностранных судов в решении договорных или имущественных споров. Для среднего и мелкого предпринимателя этот путь недоступен и он вынужден либо давать взятки чиновникам (судьям), либо пользоваться услугами преступного мира при решении хозяйственных конфликтов (стихийная приватизация услуг правосудия и правопорядка).

В странах-членах Совета Европы дополнительным инструментом правовой защиты граждан есть возможность обжаловать решения высшей отечественной

¹² Более этого, в англосаксонских странах с традицией *common law* независимые суды в состоянии заполнять лазейки в материальном законодательстве и гибко реагировать на новые вызовы, которые создают быстро развивающиеся товарные и финансовые рынки. См. La Porta et al. , 1998; Johnson, 2004.

судебной инстанции в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Однако это возможность доступна не всем, а в странах, которые не состоят в СЭ (Беларусь, страны Средней Азии), она вообще отсутствует.

6/ Качество финансового сектора и финансовых услуг остается плохим и в этой сфере СНГ отстает не только от высокоразвитых стран, но от стран Центральной Европы и Балтии (есть небольшие исключения, например относительно неплохое развитие и качество финансового сектора в Казахстане). Многочисленные банковские кризисы не были достаточно использованы для коренной перестройки этого сектора, так как это сделала, например, Болгария после своего банковского кризиса 1996 года, или балтийские страны в девяностых годах.

Главная причина слабости финансового сектора в странах СНГ тесно связана с обсуждаемой выше слабостью правовой системы и ее плохим исполнением, в результате чего невозможно эффективно защищать права собственности, в том числе – права кредиторов и вкладчиков. Кроме того, ограничение возможности входа первоклассных международных банков и других финансовых институтов на рынки СНГ (имеются в виду верхние лимиты собственности, которую могут приобрести иностранные акционеры, отсутствие возможности создавать филиалы иностранных банков и страховых обществ, валютные ограничения и другие) лишило экономики анализируемых стран главного инструмента глубокой, качественной перестройки этого сектора и повышения доверия к нему среди населения и экономических субъектов. А как показывает опыт стран Центральной Европы и Балтии, а в последнее время также балканских стран, «поглощение» слабых и малонадежных отечественных банков крупными международными банками (либо путем приватизации, либо перепродажи отечественной частной собственности) дает шанс достигнуть значительного, качественного скачка за относительно короткое время.

Практика стран СНГ, к сожалению, другая. В результате спонтанной приватизации государственных банков в начале девяностых годов и открытия возможности создания новых банков без особо высоких требований по размеру учредительного капитала, состава акционеров, и т.п., а также ограничений для вхождения иностранного капитала, на финансовых рынках доминируют либо «олигархические» банки, либо банки, находящиеся во владении промышленных и торговых предприятий.

Несмотря на рост сбережений и объемов кредитов и других финансовых услуг в 2000-2004 годах, банки стран СНГ не пользуются доверием международного бизнеса, что является, кстати, одной с причин ограниченного притока прямых иностранных инвестиций в экономику стран СНГ. Плохая международная репутация во многом имеет свои корни в событиях конца девяностых годов. Имеется в виду российский финансовый и банковский кризис 1998 года, а также банковские кризисы в других странах СНГ (хотя не так резкие, как в России) и методы их разрешения. Издержки реструктуризации и санации банков обременили тогда в основном вкладчиков и клиентов, а частично также центральные банки. Одновременно многие акционеры обанкротившихся банков успешно вывели свои активы в другой бизнес.

Трудности отдельных российских банков весной и летом 2004 года и последующие за ними очередные вспышки паники среди вкладчиков убедительно показывают, насколько хрупкой была достигнутая в предыдущие годы относительная

стабильность финансового сектора в России и как легко дестабилизировать доверие к этому сектору путем непродуманных политических или административных действий.

7/ Недоразвитость и монополизированность инфраструктуры серьезно повышает издержки и ограничивает шансы развития многих отраслей. Это касается, например, секторов, сильно зависящих от железнодорожного или автодорожного транспорта, связи или других видов услуг инфраструктуры. Учитывая неблагоприятное географическое положение значительной части экономического потенциала стран СНГ (удаленность от главных центров мировой торговли), это — дополнительный фактор, сдерживающий многие инвестиционные проекты.

Недоразвитость и монополизированность касаются как коммерческих услуг (связь, железнодорожный транспорт, энерго- и газоснабжение, транспортировка нефти и газа), так и общественных благ (*public goods*), бесплатно предоставляемых правительством (автодороги).

Техническая недоразвитость инфраструктуры и ее нефункциональность во многом определяется советским прошлым, например, аварией советской экономики и ее ограниченными экономическими контактами с внешним, несоциалистическим миром. Огромная, малонаселенная территория таких стран, как Россия, Казахстан или Туркменистан и тяжелые климатические условия также не помогают решить эту задачу. Кроме того, унаследованную с советских времен инфраструктуру не всегда можно эффективно использовать из-за ее несоответствия новым межгосударственным границам, отсутствия регионального сотрудничества, наличия региональных конфликтов (Кавказ, Средняя Азия) или разного типа формальных барьеров (в торговле, транзите, визовом режиме и т.п.).

Плохой предпринимательский климат в странах СНГ отражают разного рода международные рейтинги. Ниже мы приводим результаты лишь двух таких систематических исследований - индекса экономической свободы (*Index of Economic Freedom*) Heritage Foundation (HF, 2004) и индекса восприятия коррупции (*Corruption Perception Index*) Transparency International.

Согласно первому рейтингу все страны СНГ числятся либо в третьей группе — «в основном несвободные (*mostly unfree*)», либо в последней, четвертой — «несвободные (*unfree*)». Лишь одна Армения находится во второй группе «в основном свободные (*mostly free*)» с 2,63 балла на шкале от 1 до 5, занимая 44 место среди 155 анализированных стран и опережая даже ряд стран Центральной и Восточной Европы, в том числе Словению, Польшу, Македонию, Болгарию и Хорватию. В категории «в основном несвободные» находятся: Молдова (3,09 балла и 79 место в рейтинге), Грузия (3,19; 91 место), Кыргызстан (3,36; 103 место), Азербайджан (3,39; 106 место), Россия (3,46; 114 место), Украина (3,49; 117 место) и Казахстан (3,70; 131 место). Беларусь (4,09; 145 место), Таджикистан (4,15; 146 место), Узбекистан (4,29; 149 место) и Туркменистан (4,31; 150 место) числятся в самом конце этого рейтинга, опережая только Лаос, Бирму, Зимбабве, Ливию и Северную Корею.

Эстония занимает в этом рейтинге очень высокое шестое место (1,76 балла), а все другие страны Центральной Европы и Балтии находятся во второй группе («в основном свободные»).

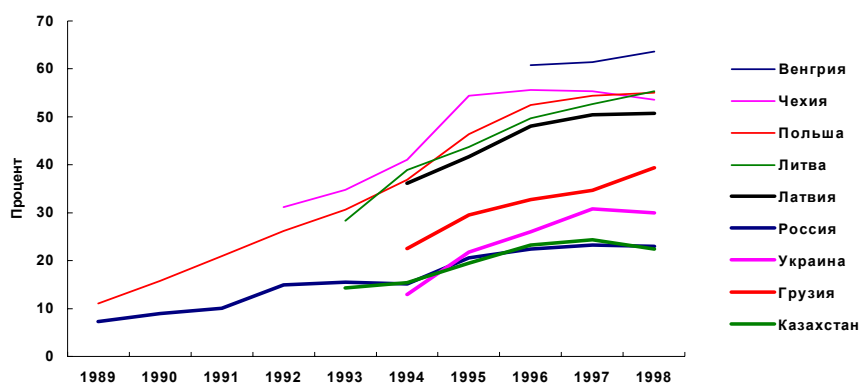
Не лучшие результаты показывает второй рейтинг (таблица 6). Практически все страны с переходной экономикой испытывают серьезные проблемы с коррупцией. Самое высокое место в рейтинге занимают Словения (29) и Эстония (33). Среди стран СНГ лучшее место получила Беларусь (53 место), хотя именно этот результат может вызывать различные сомнения. Большинство стран СНГ находится во второй сотне, при общем количестве 133 проанализированных стран.

Таблица 6: Индекс восприятия коррупции в странах с переходной экономикой

Место в рейтинге	Страна	ИВК 2003
29	Словения	5.9
33	Эстония	5.5
40	Венгрия	4.8
41	Литва	4.7
53	Беларусь	4.2
54	Болгария	3.9
54	Чехия	3.9
57	Латвия	3.8
59	Хорватия	3.7
59	Словакия	3.7
64	Польша	3.6
70	Босния	3.3
78	Армения	3.0
83	Румыния	2.8
86	Россия	2.7
92	Албания	2.5
100	Казахстан	2.4
100	Молдова	2.4
100	Узбекистан	2.4
106	Македония	2.3
106	Сербия и Черногория	2.3
106	Украина	2.3
118	Кыргызстан	2.1
124	Азербайджан	1.8
124	Грузия	1.8
124	Таджикистан	1.8

Источник: TI (2003)

График 3. Доля добавленной стоимости на малых предприятиях (<50 работников).

Источник: World Bank (2002), с. 41; график 4.3.

В результате плохого предпринимательского климата экономики стран СНГ испытывают структурный недостаток двух очень важных для перспектив экономического развития категорий субъектов: малых и средних предприятий (см. **график 3**) и крупных транснациональных корпораций.

Что касается прямых иностранных инвестиций, здесь ситуация представляется еще хуже, чем в области малого и среднего бизнеса. Сравнение с Центральной и Восточной Европой, включая балканские страны, показывает, насколько неуспешными оказались здесь страны СНГ (см. **таблицу 7**). Если исключить из статистики вложения в нефтяной сектор (особенно в Азербайджане и Казахстане), остальные иностранные инвестиции окажутся совсем ничтожными.

Таблица 7: ПИИ в странах с переходной экономикой, 2002, накопительным итогом в млн. долларов США

Страна/ Регион	Общая сумма	на душу населения ^a
Чехия	37 000	3 603
Словакия	10 000	1 859
Венгрия	27 000	2 659
Польша	46 000	1 191
Словения	5 500	2 754
Центральная Европа	125 500	1 890
Болгария	4 400	564
Румыния	8 600	383
Хорватия	7 700	1 738
Юго-восточная Европа	24 900	476
Эстония	3 600	2 647
Латвия	3 000	1 282
Литва	3 600	1 040
Страны Балтии	10 200	1 425
Россия	25 000	174
Украина	5 000	104
Беларусь	1 400	140
Молдова	700	193
Западная часть СНГ	32 100	156

Комментарий: ^a - в долларах США.

Источник: WIIW-WIFO Database.

Однако в диагнозе барьеров предпринимательства нельзя останавливаться на определении вышеуказанного, своего рода «классического» перечня проблем. Надо сделать шаг дальше и попробовать выявить политические факторы, определяющие плохой предпринимательский климат.

4. Слабое, недемократическое государство

Источником многих проблем, анализированных в предыдущей главе, является слабое, нереформированное государство, унаследованное от советского прошлого. Слабость государства не означает, что у него не хватает властных полномочий в отношении граждан и экономических субъектов, как это считают многие «государственники». Наоборот, их слишком много.

Продолжая тоталитарную советскую практику, государственные органы в

странах СНГ пытаются вмешиваться в детали деловой активности предприятий и повседневной жизни своих граждан. Для этого они сохранили потенциал и структуру государственного аппарата, привыкшего к сверхрегулированию и насилию, а не понимающего логику рыночной экономики и свободного, демократического общества. А этот аппарат, в свою очередь, тормозит попытки экономических и политических реформ. Получается порочный круг.

С другой стороны, государство неспособно выполнять свои неотъемлемые функции, т.е. обеспечивать основные общественные блага (*public goods*): необходимое законодательство и его эффективное исполнение, защиту прав собственности, правопорядка и личной безопасности граждан, инфраструктуру (например, дороги), основное образование и здравоохранение.

Хуже всего, что плохо оплачиваемый, коррумпированный и деморализованный госаппарат, суды и правоохранительные органы вместо защиты предпринимателей и граждан преследуют их, вместо того, чтобы защищать права собственности - нарушают их и т.п. Именно паразитическое поведение государственных органов и является главной причиной плохого предпринимательского климата.

Способствует этому и традиция полицейского государства и чрезмерной милитаризации. В результате правоохранительные органы оказались в «авангарде» репрессивного и коррумпированного поведения по отношению к бизнесу. Эта традиция унаследована от царской и советской империи, где абстрактный интерес государства (а на самом деле интерес правящей элиты, бюрократии, полиции и армии) стоял всегда выше гражданских прав и свобод - личных, политических и экономических.

Политическая неорганизованность среднего класса и слабость институтов гражданского общества и независимых средств массовой информации (большинство из которых подчиняется либо государственной власти, либо отдельным «олигархам») препятствует эффективной борьбе с этими отрицательными явлениями. Если малый и средний бизнес остается в своей массе беззащитным, крупные предприниматели пробуют входить в симбиоз с политикой и государственным аппаратом. Они либо сами баллотировались в представительские органы, либо выдвигают там «своих» людей. Относительно небольшие суммы достаточны для подкупа плохо оплачиваемых чиновников, прокуроров и судей. Растет «олигархизация» политической и экономической жизни и политическая коррупция. Многие предприниматели заинтересованы, скорее всего, игрой с государством в поисках ренты, а не конкуренцией на рынке, особенно международном.

Если попробовать найти первичные причины этих негативных явлений, придется, несомненно, обсудить неудовлетворительные результаты политических реформ после падения коммунистического режима и советской империи. В силу многих исторических и социальных причин глубина политических преобразований в странах СНГ оказалась намного более ограниченной, чем в странах Центральной Европы и Балтии (см. Домбровски и Гортат, 2002). Более того, после первой волны демократизации в начале девяностых годов в большинстве стран СНГ произошел постепенный откат в сторону более авторитарных режимов.

Это убедительно показывают ежегодные рейтинги Freedom House (**таблица 8**). Согласно обследованию «Свобода в мире (Freedom in the World)» за 2004 год (FH, 2004а), ни одна страна СНГ не считается и никогда не считалась «свободной» (а в этой

категории числятся все страны Центральной Европы и Балтии). В 2003 году только пять стран СНГ - Армения, Грузия, Молдова, Россия и Украина - находилось в категории «частично свободные», при этом Россия была на грани падения в следующую группу – «несвободные», в которую включены все среднеазиатские страны, Азербайджан и Беларусь.

В 1991 году (последнем году горбачевской перестройки) все тогда еще советские республики, за исключением Грузии, находились в категории «частично свободные». В половине девяностых ситуация в Средней Азии уже резко ухудшилась, но в группе «частично свободные» продолжали находиться Беларусь, Азербайджан и Кыргызстан. Все страны, за исключением Грузии, Армении и Таджикистана, ухудшили в последние годы свой рейтинг.

Таблица 8: Рейтинг политической свободы в странах СНГ, 1991-2003

Страна	1991			1994			1997			2000			2003		
	ПП	ГС	Статус	ПП	ГС	Статус	ПП	ГС	Статус	ПП	ГС	Статус	ПП	ГС	Статус
Азербайджан	5	5	ЧС	6	6	НС	6	4	ЧС	6	5	ЧС	6	5	НС
Армения	5	5	ЧС	3	4	ЧС	5	4	ЧС	4	4	ЧС	4	4	ЧС
Беларусь	4	4	ЧС	4	4	ЧС	6	6	НС	6	6	НС	6	6	НС
Грузия	6	5	НС	5	5	ЧС	3	4	ЧС	4	4	ЧС	4	4	ЧС
Казахстан	5	4	ЧС	6	5	НС	6	5	НС	6	5	НС	6	5	НС
Кыргызстан	5	4	ЧС	4	3	ЧС	4	4	ЧС	6	5	НС	6	5	НС
Молдова	5	4	ЧС	4	4	ЧС	3	4	ЧС	2	4	ЧС	3	4	ЧС
Россия	3	3	ЧС	3	4	ЧС	3	4	ЧС	5	5	ЧС	5	5	ЧС
Таджикистан	3	3	ЧС	7	7	НС	6	6	НС	6	6	НС	6	5	НС
Туркменистан	6	5	ЧС	7	7	НС	7	7	НС	7	7	НС	7	7	НС
Украина	3	3	ЧС	3	4	ЧС	3	4	ЧС	4	4	ЧС	4	4	ЧС
Узбекистан	6	5	ЧС	7	7	НС	7	6	НС	7	6	НС	7	6	НС

Комментарий: ПП – политические права, ГС – гражданские свободы, ЧС – частично свободная, НС - несвободная.

Источник: (ФН, 2004а).

Авторитарным тенденциям в странах СНГ способствуют следующие составляющие политической и конституционной системы:

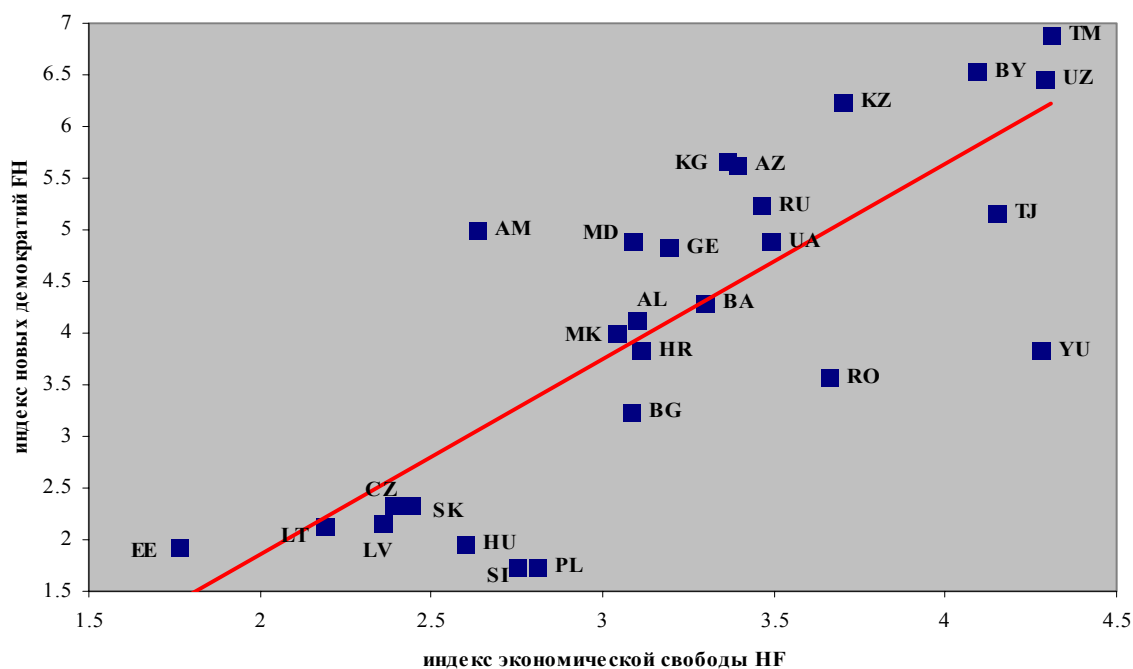
- слишком сильная конституционная позиция президента;
- отсутствие достаточной системы сдержек и противовесов между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти;
- мажоритарная система выборов в представительские органы (в одномандатных округах);
- отсутствие эффективной системы контроля за честностью выборов;
- относительная слабость или полное отсутствие демократического движения;
- слабость системы политических партий;
- отсутствие или слабость независимых СМИ.

Сразу после распада СССР авторитарные тенденции появились в Центральной Азии, особенно в Туркменистане и Узбекистане. Бывшее коммунистическое руководство этих республик использовало распад СССР для захвата полноты власти, теперь уже под национальными, а не коммунистическими лозунгами. Потом антидемократический тренд начал распространяться на другие среднеазиатские страны, Беларусь и частично Закавказье. В последние годы он начал угрожать также России, Украине и Молдове. Особенно беспокоят проявления «ползущего» авторитаризма в России, учитывая потенциал этой страны и ее влияние на ход событий в других странах СНГ.

Антидемократические тенденции будут, несомненно, способствовать дальнейшему ухудшению предпринимательского климата. Маловероятен сценарий посткоммунистического «пиночетизма», т.е. надежда, что «просвещенный» авторитарный лидер использует свою диктаторскую власть для проведения последовательных рыночных реформ. Ему противоречит опыт как большинства развивающихся стран (где диктатуры чаще связаны с популизмом, чем с рыночным курсом), так и накопившийся опыт стран с переходной экономикой.

График 4 показывает далеко идущую корреляцию между авторитаризмом (согласно индексу «новых демократий» FH) и чрезмерным вмешательством государства в экономическую жизнь (согласно индексу экономической свободы HF). Более серьезное отклонение от тренда — это, с одной стороны, Армения (высокая степень экономического либерализма в условиях неполной демократии), а с другой — Словения, Польша и Румыния (демократизация опережает экономическую либерализацию).

График 4: Корреляция между индексами политических и экономических свобод в странах с переходной экономикой

Источник: HF (2004); FH (2004).

Сильная взаимосвязь демократии и экономической свободы не должна быть неожиданностью, особенно в странах с переходной экономикой. Анализ, проведенной в предыдущей и настоящей главе убедительно показал, что главные барьеры для развития полноценной рыночной экономики связаны со злоупотреблением государственной властью, а с этим можно бороться только при помощи демократического контроля.

Авторитарный откат в СНГ находится в конфликте с мировой тенденцией к демократизации. Диктаторские режимы находятся под растущим давлением международного сообщества – они противоречат доминирующей политической модели начала XXI века, особенно в Европе. А это может означать дополнительный фактор, способствующий политической и экономической изоляции стран СНГ.

5. Угроза международной изоляции?

В 2003 году страны СНГ производили лишь 3,7% мирового ВВП по паритету покупательной способности. Если вычесть Россию (2,6%), доля остальных 11 стран составила 1,1% (WEO, 2004, табл. А). Это намного меньше, чем Китай (12,6%) и Индия (5,7%). Еще ниже доля стран СНГ в мировом экспорте – 2,3% (Россия – 1,6%). Если посмотреть на товарную структуру экспорта, в нем доминируют энергетические ресурсы, металлы и другие сырьевые товары. Эти данные свидетельствуют о том, что страны СНГ не являются серьезным игроком в мировой экономике и, скорее всего, находятся на ее периферии.

Что касается географической структуры экспорта стран СНГ, доля Евросоюза более чем на два раза ниже по сравнению со странами Центральной Европы и Балтии (таблица 9). В начале процесса трансформации эта разница составляла лишь только полтора раза. Однако потом доля экспорта в ЕС систематически росла в странах Центральной Европы и Балтии (то же самое касается и балканских стран), а в странах СНГ - уменьшалась.

Таблица 9: Экспорт в ЕС как доля всего экспорта, в %

страна	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Центральная Европа и Балтия	59^a	53	55	55	57	60	65	68	67
Беларусь	32	32	13	12	8	7	7	9	9
Молдова	3	3	6	12	10	10	12	21	20
Россия	48	44	33	32	31	32	31	32	35
Украина	10	14	7	13	11	12	17	18	16
Грузия	5	35	1	5	9	8	35	28	21
Армения	1	11	28	29	21	28	34	46	36
Азербайджан	15	7	13	15	9	11	22	46	60
Казахстан	30	42	16	22	19	26	31	23	23
СНГ	40	39	27	27	26	26	27	28	31

Комментарий: ^a - включает Чехословакию.

Источник: Aslund and Warner (2003).

Анализируя географическую структуру торговли, надо учитывать и географическое положение. Конечно, для стран Центральной Азии транспортные издержки торговли с Западной Европой намного выше, чем для стран Центральной или Восточной Европы. Однако этот фактор не в состоянии объяснить так большой

разницы и разной направленности трендов (в СНГ снижение доли торговли с ЕС, в Центральной и Восточной Европе – ее рост). Надо, скорее всего, обратить внимание на системные и институциональные факторы – медленные темпы и непоследовательность реформирования экономик в странах СНГ и торговую политику.

Поздняя и непоследовательная либерализация, длительный процесс макроэкономической стабилизации и сохраняющийся плохой предпринимательский климат – все это усложняет развитие полноценных торговых отношений стран СНГ с высокоразвитыми странами. Отсутствие серьезных ПИИ (смотри главу 3) препятствует включению предприятий стран СНГ в международное внутриотраслевое разделение труда, что оказалось самым мощным фактором наращивания экспорта перерабатывающей промышленности и услуг на западные рынки в странах Центральной Европы и Балтии.

С другой стороны, нельзя забывать и о протекционизме со стороны ЕС и других западных партнеров, что резко отличает ситуацию стран СНГ от стран Центральной Европы и Балтии (см. Aslund and Warner, 2003). Последние уже в самом начале трансформации получили возможность подписать с Евросоюзом договоры о ассоциации и свободной торговле, включающие перспективу будущего членства в ЕС. Либерализация торговли осуществлялась согласно так называемой асимметричной схеме – снижение таможенных пошлин со стороны ЕС опережало во времени их снижение у стран-кандидатов. В конце девяностых годов похожие возможности получили страны бывшей Югославии и Албания. Имеется в виду договоры о стабилизации и ассоциации (*Stabilization and Association Agreements*).

Страны СНГ не имели такого шанса. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, они никогда серьезно не рассматривались в ЕС в качестве будущих членов. Это касается даже таких стран, как Молдова и Украина, которые неоднократно официально заявляли о желании принять участие в процессе европейской интеграции. Текущая правовая инфраструктура экономических и политических отношений между странами СНГ и ЕС ограничивается договорами о партнерстве и сотрудничестве (*Partnership and Cooperation Agreements*).

Начиная с мая 2001 года на очередных саммитах Россия - ЕС обсуждается идея Общего европейского экономического пространства (*Common European Economic Space*) между ЕС и Россией. Однако пока эти разработки не вышли за пределы общей концепции (см. МИД, 2003). С конца 2003 года, в связи с расширением ЕС на восток, Европейская Комиссия предложила концепцию Европейской политики соседства (*European Neighborhood Policy*) и Расширенной Европы (*Wider Europe*). Опять-таки она имеет декларативный характер и наверняка много времени пройдет до того, пока она не станет заполнена более конкретным содержанием. Кроме того, эти предложения ограничены территориально лишь только так называемыми «западными» странами СНГ, т.е. Россией, Украиной, Беларусью и Молдовой.

Одним из институциональных барьеров на пути экономического сотрудничества между самыми большими странами СНГ и ЕС и другим развитыми странами является нерешенный вопрос их членства во Всемирной торговой организации (ВТО). Только четыре страны СНГ принадлежат к этой организации: Кыргызстан (с 20 декабря 1998 года), Грузия (с 14 июня 2000 года), Молдова (с 26 июля 2001 года) и Армения (с 5 февраля 2003 года). Еще шесть стран (Украина, Россия, Казахстан, Беларусь, Азербайджан и Таджикистан) находится на разной стадии переговоров, но для полного

завершения процесса вступления понадобится в случае России и Украины по крайней мере два года, а в случае других стран — намного больше.

Проблема членства в ВТО вызывает в странах СНГ много эмоций и недоразумений. Прежде всего преувеличивается издержки, связанные с приведением отечественных торговых режимов в соответствие с требованиями других членов ВТО. Здесь мы имеем дело с классическим примером политической экономии любой либерализации торговли. Голос узких групп интересов, которые могут потерять протекционистскую защиту (в случае России и Украины это, например, автомобилестроение) звучит громче, чем большинства потребителей и других производителей, которые выиграют от либерализации.

Часто также слышен аргумент, что четыре страны СНГ, которые уже вступили в ВТО, пока немного в чем выиграли от членства в этой организации. Этот аргумент некорректен по двум причинам. Во-первых, прошло слишком мало времени с момента вступления, чтобы были видны все выгоды. Во-вторых, самые крупные торговые партнеры в СНГ (Россия, Украина, Казахстан, Узбекистан) пока остаются за пределами этой организации (см. Mogilevskii, 2004).

Более оправдан аргумент о том, что само по себе вступление в ВТО не повлечет за собой серьезной либерализации торговли и, в связи с этим, не повлияет на экономический рост стран СНГ (см. Vihnas de Souza, 2004). Это правда, однако перспектива либерализации торговли между странами СНГ и ЕС (а она может принести более серьезные результаты) невозможна без членства этих первых во ВТО. Такую позицию заняла Европейская Комиссия и маловероятно, что она даст добро на начало переговоров о свободной торговле без выполнения этого институционального условия.

Кроме того, членство в ВТО должно в средне- и долгосрочной перспективе институционально стабилизировать условия экспорта и импорта в странах СНГ. У правительств этих стран будут «связаны руки», т.е. они не будут в праве слишком часто менять торговый режим под влиянием отдельных групп интересов или для достижения краткосрочных целей экономической политики. Экспортеры со стран СНГ не будут также объектом произвольных протекционистских мер, например, антидемпинговых процедур в других странах.

Наконец, членство в ВТО позволит также «цивилизовать» торговые отношения между странами СНГ. Многочисленные двух- и многосторонние договоры о свободной торговле, таможенном союзе, едином экономическом пространстве и т.п. остаются на практике мертвыми, так как отсутствует механизм контроля за их исполнением и межгосударственного арбитража. ВТО предоставляет такие инструменты. Это означает, что задачи вступления в ВТО и развития торговых и экономических отношений внутри СНГ взаимно не конфликтны.

Более глубокие формы европейской и евроатлантической интеграции стран СНГ невозможны без приостановки авторитарных тенденций и без возврата на путь последовательной демократизации и либерализации. Например, один из так называемых копенгагенских критериев, определяющих предварительные условия для начала переговоров страной-кандидатом в члены ЕС, говорит о стабильной демократии, соблюдении прав человека и меньшинств, принципов правового государства. На этой основе откладывалось много раз начало переговоров о вступлении в ЕС Турции. Не иначе будет и со странами СНГ.

Хуже всего, что дефицит демократии ограничивает потенциальные выгоды от уже существующего членства стран СНГ в других международных организациях – Совете Европы, ОБСЕ, организациях системы ООН. Он приведет к их дальнейшей изоляции в международном сообществе.

6. СНГ – общее или разное будущее?

До сих пор определение «страны СНГ» подразумевало достаточный набор общих политических и экономических характеристик и общих проблем, позволяющих говорить об этих странах как о более или менее однородной группе. На самом деле это не до конца так. Несмотря на общее советское наследие, медленные темпы рыночных реформ, наблюдаемые антидемократические тенденции и угрозу оказаться на периферии европейских и мировых интеграционных процессов, отдельные страны все-таки отличаются друг от друга. Проблемы лидирующей в экономической либерализации Армении и тоталитарных, пытающихся сохранить командную экономику Туркменистана, Узбекистана и Беларуси далеко не те же самые.

В будущем дальнейшее расхождение траекторий развития отдельных стран представляется неизбежным. Оно будет происходить как в результате разных темпов и направлений реформ экономики и государства, так и под влиянием внешних факторов. Упомянутые в предыдущей главе новые инициативы Евросоюза по углублению сотрудничества, если не окажутся чисто дипломатической декларацией, могут воздействовать на ход развития «западных» стран СНГ, хотя, по-видимому, не все они (пример Беларуси) смогут немедленно воспользоваться этой возможностью. Будут ли эти проекты открыты также для кавказских стран — это пока большой вопрос. Однако маловероятно, что они будут адресованы странам Средней Азии. Последним придется искать другой «якорь», нежели европейский. Для них более естественным направлением экономического и политического сотрудничества будут, скорее всего, страны Азии.

Само название «страны СНГ» уже потеряло свое историческое обоснование. На самом деле СНГ, как многосторонняя организация и система коллективных договоров, оказалась мертвой структурой. Даже в международном дипломатическом лексиконе все чаще используется определение «новые независимые страны» (New Independent States [NIS]), чем СНГ, хотя и этот термин с временем потеряет свою актуальность (независимость уже не такое свежее явление). Однако задача придумать новую, более актуальную терминологию для анализируемого региона явно выходит за рамки данной статьи.

7. Выводы и направления необходимых реформ

Рыночная система, построенная в странах СНГ в течение последних 15 лет, представляется далекой от совершенства. Она во многом напоминает искаженный капитализм, который можно наблюдать в ряде развивающихся стран. Так и оценивают ее иностранные инвесторы, которые воздерживаются от серьезных проектов в этом регионе, а также отечественные, которые предпочитают выводить капиталы за рубеж.

Еще хуже представляется дело с политической системой. На смену ограниченным и далеким от совершенства попыткам демократизации и политической

либерализации пришел явный или скрытый авторитаризм. Его победа уже практически состоялась в большинстве стран Центральной Азии и в Беларуси, судьба остальных стран СНГ, в том числе России и Украины, пока еще не решена. Сохраняется еще хотя бы тень надежды на приостановку этого опасного тренда. «Революция роз» в Грузии в конце 2003 года показывает, что возможна мобилизация общества и политических элит против захвата государства олигархической элитой.

Судьба борьбы за будущее стран СНГ будет решаться, в первую очередь, внутри этих стран и зависеть от силы институтов гражданского общества, среднего класса и от приверженности общества в целом демократическим принципам. Результат этой борьбы определит не только степень гражданских свобод и демократизации, но и шансы на улучшение предпринимательского климата, которые во многом будут зависеть от влияния политического фактора. Преодоление авторитарного тренда наверняка также поможет избежать угрозы международной изоляции и будет способствовать политической и экономической интеграции стран СНГ с ЕС и НАТО.

Однако здесь существует и обратная связь. Если ЕС и НАТО предложат странам СНГ более конкретную перспективу интеграции, хотя бы разложенную на много лет и этапов, и обусловят ее выполнением определенных политических и экономических условий (что-то в роде «карты дорог»), то это может создать позитивные стимулы для проведения необходимых реформ. Опыт балканских стран и Турции убедительно показывает, насколько мощным может оказаться «европейский фактор».

Альтернативой может оказаться построение своего рода новой берлинской стены на восточных границах расширенного ЕС, пытающейся отделить его от зоны нищеты и нестабильности. На этот раз инициатива построения такой стены придет с запада, а не с востока, как это было во времена холодной войны.

Литература

Антропова, О. (2002): *Платежный баланс Беларуси в 1996-2000 гг.*, в: Белорусская экономика: от рынка к плану, том 1, CASE – Центр социально-экономических исследований, Институт приватизации и менеджмента, Варшава – Минск.

Гайдар, Е. Т. (1996): Дни поражений и побед, Москва, Вагриус.

Гайдар, Е. Т. (2004): *Об устойчивости и гибкости политических систем*, неопубликованный текст.

Грачев, А. (2001): Горбачев, Москва, Вагриус.

Домбровски, М. (1995): *Причины распада рублевой зоны*, CASE – Центр социально-экономических исследований, Исследования и анализы, №58.

Домбровски, М. (1999): *Последствия российского финансового кризиса для соседних стран*, CASE - Центр социально-экономических исследований, Исследования и анализы, № 198.

Домбровски, М (2003): *Уроки российского кризиса: пять лет спустя*, в: Е. Т. Гайдар (ред.): Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1998-2002, Москва, Дело.

Домбровский, М., Гортат Р. (2002): *Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах*, Экономический Вестник (ЭКОВЕСТ), выпуск 2, №4, 4, Минск.

Калечиц, Д. (2002): *Денежные потоки в Республике Беларусь*, в: *Белорусская экономика: от рынка к плану*, том 1, CASE – Центр социально-экономических исследований, Институт приватизации и менеджмента, Варшава – Минск.

Мау, В. А. (1995): *Экономика и власть. Политическая история реформы в России 1985-1994*, Москва, Дело.

Мау, В. А. (1999): *Российские экономические реформы глазами западных критиков*, Вопросы экономики, № 11, 12.

МИД (2003): *Концепция общего европейского экономического пространства (ОЕЭП)*, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Департамент информации и печати, Информационный бюллетень, специальный выпуск, Приложение I, Италия, Рим, 6 ноября 2003; <http://www.in.mid.ru/ns-dos.nsf/162979df2beb9880432569e70041fd1e/432569d800223f3443256ddc0046e815?OpenDocument>

Ярочински, М. (2000): *Молдова в 1995-1999 гг.: макроэкономические и монетарные последствия фискальной несбалансированности*, CASE – Центр социально-экономических исследований, Исследования и анализы, № 205.

Ясин, Е. Г. (2002): *Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ*, Москва, ГУ ВШЭ.

Aslund, A. and Warner A. (2003): *The Enlargement of the European Union: Consequences for the CIS Countries*, Carnegie Endowment Working Paper, № 36.

Dabrowski, M. (2003): *Disinflation Strategies and Their Effectiveness in Transition Economies*, in: M. Dabrowski (ed.): Disinflation in Transition Economies, Budapest, New York, CEU Press.

Dabrowski, M., Gomulka S., and Rostowski J. (2001a): *Whence Reform? A Critique of the Stiglitz Perspective*, The Journal of Economic Policy Reform, Vol. 4, issue 4, pp. 291-324.

Dabrowski, M., Gomulka S., and Rostowski J. (2001a): *The Stiglitz-Ellerman Rejoinder: Our Main Criticism Remain Unanswered*, Journal of Policy Reform, 2001, Vol. 4, issue 4, pp. 339-348

Dabrowski, M., Antczak R., Mau V., Shapovalov, A., Sinitsina I., Yanovskiy K., and Zhavoronkov S. (2004): *Russia: Political and institutional Determinants of Economic Reforms*, CASE Reports, No. 56, CASE & IET, Moscow – Warsaw.

FH (2004a): *Freedom in the World 2004*, Freedom House, <http://www.freedomhouse.org/research/survey2004.htm>

FH (2004b): *Nations in Transit 2004*, Freedom House, <http://www.freedomhouse.org/research/nattransit.htm>

HF (2004): *2004 Index of Economic Freedom*, The Heritage Foundation,
<http://www.heritage.org/research/features/index/index.html>

Johnson. S. (2004): *Privatization and Corporate Governance*, in: Dabrowski, M., Neneman J., and Slay B.: Beyond Transition, Ashgate Publishing Limited, Aldershot UK, Burlington USA, Sydney Aus.

Kuz'myn, Y. (2003): *Role of External Sector*, in: Dabrowski, M. and Jakubiak, M. (eds.): *The Sources of Economic Growth in Ukraine after 1998 Currency Crisis and the Country's Prospects*, CASE Reports, No. 55, CASE & CASE Ukraine, Warsaw – Kyiv.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. and Vishny R. (1998): *Law and Finance*, Journal of Political Economy, Vol. 106, pp. 1113-1155.

Mogilevskii, R. (2004): *CIS-7 Perspective on Trade with EU in the Context of EU Enlargement*, CASE – Center for Social and Economic Research, Studies & Analyzes, No. 282.

Stiglitz, J. (1999a): *Whither Reform?*, paper for 1999 ABCDE Conference, Washington DC: World Bank. <http://www.worldbank.org/knowledge/chiefecon>

Stiglitz, J. (1999b): *Quis Custodiet Ipsos Custodes? (Who is to Guard the Guardians themselves?)*, Challenge, 42 (6), November/December, pp. 26-67.

TI (2003): *TI Corruption Perception Index 2003*, Transparency International,
<http://www.transparency.org/surveys/index.html#cpi>

Vihnas de Souza, L. (2004): *A Wider Europe: Trade Relations Between an Enlarged EU and the Russian Federation*, CASE – Center for Social and Economic Research, Studies & Analyzes, No. 279.

WDR (1996): From Plan to Market, World Development Report 1996, World Bank, Oxford University Press.

WEO (2000): World Economic Outlook, Advance Copy, International Monetary Fund, September.

WEO (2003): World Economic Outlook, Advance Copy, International Monetary Fund, October.

WEO (2004): World Economic Outlook, International Monetary Fund, April.

World Bank (2002): Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union, World Bank, Washington, D.C.

Zettelmeyer, J. (1998): *The Uzbek Growth Puzzle*, IMF Working Paper, No. 98/133.